

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ

НЕДАВНО я получила премию Европарламента, что даст мне возможность на год уехать в Италию закончить книгу, побыть наедине с собой, вне нашего огромного аварийного пространства. Это единственная, пожалуй, хорошая новость.

А самое сильное впечатление – совсем не веселое, оно даже омрачило радость предстоящей поездки. Позвонила подруге, у которой недавно умер любимый отец. Едва мы успели два слова молвить об этой утрате, как тут же переключились на разговоры о подводной лодке, о пожаре в «Останкино» и взрыве на Пушкинской площади... Потом речь пошла о России, о ее судьбе, о власти... Положила трубку в полной растерянности. Меня потрясло, что даже в минуты личного горя человек не говорит о собственной душевной боли, не говорит о себе.

И я вспомнила, как недавно ездила на край света, в Усть-Кут, в то место, где начинается БАМ. Впервые в жизни увидела эту железную дорогу, которая сейчас никому не

нужна. Она буквально пробита сквозь непроходимую тайгу. А потом увидела, как живут люди, которые ее строили, увидела их бараки, туалеты на улице... И подумала: почему мы можем проложить в непроходимой чаще дороге, но не в состоянии для себя же сделать теплого туалета? Почему демонстрируем героизм и при этом живем в бараках, в которых гуляет ветер?

На днях по телевизору видела, в каких домах жили погибшие на лодке моряки, страшную нищету и разруху, услышала, как прекрасные женщины, вдовы, несмотря на страшную потерю, опять говорили не о своей боли, а о стране...

Мне кажется, мы все – социальные наркоманы. Может быть, потому-то у нас и нет великой России, что мы не даем себе права на частную жизнь и существуем только как часть огромного государства.

Светлана Алексиевич
2000-7-13 сем.-с 9.